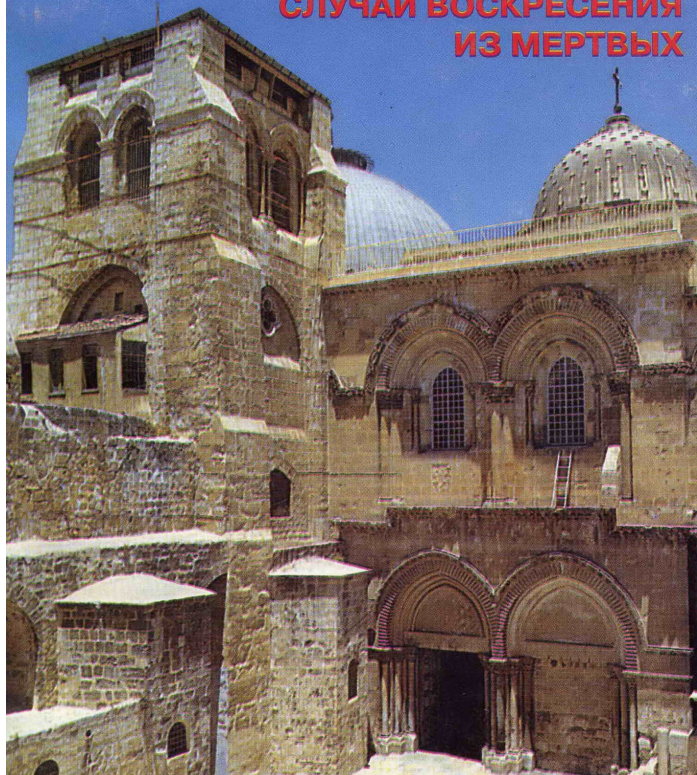

ПОБЕДА НАД ПОСЛЕДНИМ ВРАГОМ

СЛУЧАИ ВОСКРЕСЕНИЯ
ИЗ МЕРТВЫХ

А. Сороковиков
Победа над последним
врагом. Случаи
воскресения из мертвых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32543336

ISBN 5-7789-0097-X

Аннотация

«Смерть – один из самых поразительных фактов человеческого бытия. Нет никого, кому удалось бы ее миновать, она общий удел, неизбежное завершение нашего пути. И вряд ли кто-то мог бы это оспорить: в том, что смерть **есть**, уверен, наверное, каждый. Но **что** такое смерть – ответ на этот вопрос для человека верующего и для атеиста будет совершенно различным»...

Содержание

Победа над последним врагом	4
Предисловие	5
Пережившие смерть	12
Невероятное для многих, но истинное происшествие	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Победа над последним врагом Случаи воскресения из мертвых

ISBN 5-7789-0097-X

© Сороковиков А., составление

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 2000

Предисловие

Смерть – один из самых поразительных фактов человеческого бытия. Нет никого, кому удалось бы ее миновать, она общий удел, неизбежное завершение нашего пути. И вряд ли кто-то мог бы это оспорить: в том, что смерть **есть**, уверен, наверное, каждый. Но **что** такое смерть – ответ на этот вопрос для человека верующего и для атеиста будет совершенно различным.

Для неверующего смерть – закономерная, обусловленная необходимостью трагедия, конец всякого бытия, переход в небытие.

Но не так для православного христианина, исповедующего, что ***Бог не есть Бог мертвых, но живых*** (Лк. 20, 38). Вера во Всеобщее Воскресение, в праведное воздаяние, в будущую вечную жизнь – одна из главнейших основ истинно христианского мирозерцания.

Однако как часто, особенно в наш век, можно слышать эти удивительно беспечные и в то же время такие страшные слова: «О чем вы! Кто вам сказал, что все это будет, разве же оттуда кто-нибудь возвращался?» Что сказать на это? Вспомнить о воскресении Господом четверодневного Лазаря, сына наинской вдовы, дочери Иаира? Но для неверующего собеседника евангельское свидетельство – не аргумент. Аргумент лишь то, что можно увидеть, в чем можно удосто-

вериться самому.

И, наверное, поэтому именно в наши времена, времена неверия и какого-то страшного равнодушия ко всему, что относится к области духа, Господь столь часто доставляет нам такие неопровержимые удостоверения в существовании мира загробного, как возвращение к жизни людей, уже перенесших фактическую смерть. Людей, получивших опыт бытия иного и способных этот опыт передать другим.

Воскресение из мертвых – чудо, которое потрясает как самого вернувшегося в этот мир, так и непосредственных свидетелей и очевидцев. Человек был мертв, его тело, уже безжизненное, остывающее, вот-вот должно было упокоиться в недрах земли... И этот человек снова с нами! В жизни многих людей соприкосновение с такой очевидной реальностью потустороннего бытия производило коренной переворот: атеистов превращало в людей глубоко церковных; верующих пробуждало от сна нерадения, от той духовной спячки, в которую, увы, погружены многие из нас, заставляло со всей серьезностью отнестись к подготовке к переходу из времени в вечность. К той подготовке, в которой и заключается, по сути, смысл нашего земного существования.

«Обычный» же современный человек о вечности думает редко: временное и земное ближе и вожаденней. И когда уже независимо от воли его приходит необходимость подвести итог пройденного пути, то, оказывается, он к этому не готов. Ведь, не имея памятования о вечности, как и подгото-

виться к ней? А между тем эта неготовность – самая страшная ошибка, которую может допустить человек в своей жизни. Самая страшная потому, что поправить ее невозможно. После смерти уже нет покаяния, уже нет способа изменить что-либо в своей – вечной – участи, каждый воспримет лишь то, что уготовал себе сам: своей жизнью, своими делами. И потому, хотя Воскресение и будет Всеобщим, но для кого-то оно станет воскресением в жизнь вечную, а для кого-то – страшным воскресением осуждения (см.: Ин. 5, 29).

Часа своего не знает никто из нас, смерть не считается ни с чем, она уносит старых и молодых, немощных и полных сил, тех, кто уже устал от этой жизни, и тех, кто еще жаждет насладиться ею. И потому так важно то, что называли Святые Отцы памятью смертной, – памятование о своем исходе из этой жизни. Так важно, что, по слову преподобного Иоанна Лествичника, «как хлеб необходимее всякой другой пищи, так мысль о смерти нужнее всякого другого делания».

Но крайне важно также понимать, **что именно** ожидает человека после смерти и **как** следует готовиться к ней. Ведь часто люди, если и задумываются все же о смерти, то приобретают о ней и последующем за ней представления самые ложные, совершенно расходящиеся с учением Церкви Православной и потому тем скорее губящие человека.

На Западе, в частности, в США, феномен смерти привлекает к себе внимание не только людей верующих и духовных, но и людей науки. В последние десятилетия там появилось

большое число так называемых «танатологов», проводящих исследование в этой ранее неведомой для науки сфере. Наиболее известные из них – Раймонд Моуди, Элизабет Кублер-Росс, Михаил Сабом и ряд других. Результаты их исследований сняли своеобразное «табу» с темы загробного существования, поставив мир перед лицом непререкаемой истины: действительно, со смертью тела личность человека продолжает свое существование.

Но каковы плоды признания этого факта на Западе, в среде, далекой от Православия? Иными словами, каково отношение западного человека к вопросу жизни и смерти после возвращения из мира инобытия? В качестве ответа на этот вопрос приведем несколько очень характерных отрывков из известной книги Раймонда Моуди «Жизнь после жизни»:

«Я полагаю, что этот опыт (клинической смерти— *Сост.*) что-то определил в моей жизни. Я был еще ребенок, мне было всего десять лет, когда это произошло, но и сейчас я сохранил абсолютное убеждение в том, что есть жизнь после смерти; у меня нет ни тени сомнений в этом. Я не боюсь умереть».

«Когда я был маленьким мальчиком, то, бывало, боялся смерти. Я, бывало, просыпался ночью, плакал и устраивал истерики... Но после этого опыта я не боюсь смерти. Это ощущение исчезло. Я больше не чувствую себя ужасно на похоронах».

«Теперь я не боюсь умереть. Это не значит, что смерть

для меня желанна или что я хочу умереть прямо сейчас. Я не хочу жить там сейчас, потому что полагаю, что должен жить здесь. Но я не боюсь смерти, потому что знаю, куда пойду после того, как оставлю этот мир».

«Жизнь подобна тюремному заключению. Но в этом состоянии мы просто не понимаем, какой тюрьмой является для нас наше тело. Смерть подобна освобождению, выходу из тюрьмы».

А вот для сравнения совсем другой пример – из Лествицы преподобного Иоанна.

«Не премину сообщить тебе повесть и об Исихии, иноке горы Хорива. Он вел прежде самую нерадивую жизнь и несколько не заботился о душе своей; наконец, впадши в смертельную болезнь, с час времени казался совершенно умершим. Пришедши в себя, он умолял всех нас, чтобы тотчас от него удалились, и, заключив дверь своей келлии, прожил в ней лет двенадцать, никому никогда не сказав ни малого, ни великого слова и ничего не вкушая, кроме хлеба и воды; но, сидя в затворе, как перед лицом Господним, ужасался и сетовал о том, что видел во время исступления, и никогда не изменял образа жизни своей, но постоянно был как бы вне себя и не переставал тихо проливать теплые слезы. Когда же он приблизился к смерти, мы, отбив дверь, вошли в его келлию и, по многом прощении, услышали только сии слова: «Простите, – сказал он, – кто стяжал память смерти, тот никогда не может согрешить». Мы изумились, видя, что в том,

который был прежде столько нерадив, внезапно произошло такое блаженное изменение и преображение»...

Тот образ отношения к смерти, это удивительное бесстрашие и беспечность, которые так хорошо видим в отрывках из книги Моуди, – следствие ужасного обольщения, вполне закономерного для людей, живущих в среде совершенно забывшего Бога мира или же имеющих о Боге превратное, искаженное понятие. Ведь человек отходит от этой жизни не просто перемещаясь в некое «иное измерение». Нет, он отходит для того, чтобы предстать на суд создавшего его Бога. И потому лишь для человека, жившего по заповедям евангельским, еще в этой жизни совершенно покорившего волю свою воле Божественной, смерть может быть желанна, как отдохновение после трудов, как обретение ожидаемого воздаяния. Только тот, кто отходит из этой жизни в покаянии, с совестью, примиренной с Богом и ближними, может не страшиться смерти. А для человека, прожившего жизнь без Бога и вне Церкви, человека-грешника, смерть поистине люта (см.: Пс. 33, 22).

Именно таково представление о смерти и посмертной участи человека Церкви Православной и именно такой характер носят те свидетельства, которые представлены в настоящем сборнике. Он состоит из двух частей. В первую вошли случаи, связанные с чудесным возвращением людей, уже умерших, к жизни.

Во вторую – случаи, в которых самого факта смерти, как

такового не содержится, но зато очень ярко представлен опыт потустороннего бытия как поразительное и неопровержимое свидетельство реальности иного, нежели земного, существования.

Случаи и события эти, безусловно, удивительны, сверхъестественны, заслуживают всяческого внимания уже сами по себе. Однако цель этого издания мы видим не в том лишь, чтобы еще раз рассказать о них, а в том, чтобы пробудить в читателях памятование о бренности и скоротечности этой жизни, о необходимости готовиться к переходу в жизнь вечную, и если для кого-то оно послужит поводом для оживления в себе такого памятования, то, наверное, этот небольшой составительский труд не был напрасен.

Пережившие смерть

Невероятное для многих, но истинное происшествие

...Я увидел, что стою один посреди комнаты; справа от меня, обступив что-то полукругом, столпился весь медицинский персонал. Меня удивила эта группа: на том месте, где она стояла, была койка. Что же теперь там привлекало внимание этих людей, на что они смотрели, когда меня там уже не было, когда я стоял посреди комнаты?

Я подвинулся и глянул, куда глядели все они. Там, на койке, лежал я! Не помню, чтобы я испытывал что-нибудь похожее на страх при виде своего двойника, меня охватило только недоумение: как же это? Я чувствовал себя здесь, между тем и там тоже я...

Я захотел осязать, взяться правой рукой за левую — моя рука прошла насквозь, попробовал схватить себя за талию — рука вновь прошла через корпус, как по пустому пространству... Я позвал доктора, но атмосфера, в которой я находился, оказалась совсем непригодной для меня: она не воспринимала и не передавала звуков моего голоса, и я понял свою полную разобщенность со всеми окружающими, свое стран-

ное одиночество, и панический страх охватил меня. Было действительно что-то ужасное в том невыразимом одиночестве.

Я глянул, и только тут передо мной впервые явилась мысль: да не случилось ли со мной того, что на нашем языке, языке живых людей, определяется словом «смерть»? Это пришло мне в голову потому, что мое лежащее на койке тело имело совершенно вид мертвеца.

Разобщение со всем окружающим, раздвоение моей личности скорее могло бы дать мне понять о случившемся, если бы я верил в существование души, был человеком религиозным, но этого не было, и я руководствовался лишь тем, что чувствовал, а ощущение жизни было настолько ясным, что я только недоумевал над странным явлением, будучи совершенно не в состоянии связывать мои ощущения с традиционными понятиями о смерти, то есть, чувствуя и сознавая себя, думать, что я не существую.

Вспоминая и продумывая впоследствии свое тогдашнее состояние, я заметил только, что мои умственные способности действовали и тогда с такой удивительной энергией и быстротой...

Я увидел, как старушка-няня перекрестилась: «Ну, Царство ему Небесное», и вдруг увидел двух Ангелов. В одном я почему-то узнал Ангела-хранителя, а другого я не знал. Взяв меня под руки, Ангелы вынесли меня прямо через стену из палаты на улицу. Смеркалось уже, шел большой, тихий снег.

Я видел его, но холода и вообще перемены между комнатной температурой и надворной не ощущал. Очевидно, подобные вещи утратили для моего измененного «тела» свое значение. Мы стали быстро подниматься вверх. И, по мере того как поднимались мы, взору моему открывалось все большее и большее пространство, и наконец оно приняло такие ужасающие размеры, что меня охватил страх от сознания моего ничтожества перед этой бесконечной пустыней... Идея времени погасла в моем уме, и я не знаю, сколько мы еще поднимались вверх, как вдруг послышался сначала какой-то неясный шум, а затем, выплыв откуда-то, к нам с криком и гоготом стала приближаться толпа каких-то безобразных существ.

– Бесы! – с необычайной быстротой сообразил я и оцепенел от какого-то особенного, неведомого дотоле мне ужаса. – Бесы! – О, сколько иронии, сколько самого искреннего смеха вызвало бы во мне всего несколько дней назад чье-нибудь сообщение не только о том, что он видел собственными глазами бесов, но что он допускает существование их как тварей известного рода! Как и подобало образованному человеку конца XIX века, я под названием этим разумел дурные склонности, страсти в человеке, почему и само это слово имело у меня значение не имени, а термина, определяющего известное понятие. И вдруг это «известное понятие» представило мне живым олицетворением!

Окружив нас со всех сторон, бесы с криком и гамом тре-

бовали, чтобы меня отдали им, они старались как-нибудь схватить меня и вырвать из рук Ангелов, но, очевидно, не смели этого сделать. Среди их невообразимого и столь же отвратительного для слуха, как сами они были для зрения, воя и гама я улавливал иногда слова и целые фразы.

– Он наш, он от Бога отрекся, – вдруг чуть не в один голос завопили они и при этом уже с такой наглостью кинулись на нас, что от страха у меня на мгновение застыла всякая мысль.

– Это ложь! Это неправда! – опомнившись, хотел крикнуть я, но услужливая память связала мне язык. Каким-то непонятным образом мне вдруг вспомнилось такое маленькое, ничтожное событие, к тому же относившееся еще к давно минувшей эпохе моей юности, о котором, кажется, я и вспомнить никогда не мог. (Здесь рассказчику вспомнился случай, когда во время разговоров на отвлеченные темы один из студентов-товарищей сказал: «Но почему я должен верить, когда я одинаково могу верить и тому, что Бога нет? И, может быть, Его и нет?». На что он ответил: «Может быть, и нет»).

Обвинение это, по-видимому, являлось самым сильным аргументом моей гибели для бесов, они как бы почерпнули в нем новую силу для смелости нападений на меня и уже с неистовым ревом завертелись вокруг нас, преграждая нам дальнейший путь.

Я вспомнил о молитве и стал молиться, призывая на по-

мощь всех святых, которых знал и чьи имена мне пришли на ум. Но это не устрасило моих врагов. Жалкий невежда, христианин лишь по имени, я чуть не впервые вспомнил о Той, Которая именуется Заступницей рода христианского.

Но, вероятно, горяч был мой порыв к Ней, вероятно, так преисполнена была ужаса моя душа, что я, едва вспомнив, произнес Ее имя, как вдруг на нас появился какой-то белый туман, который стал быстро завлакивать безобразное сонмище бесов. Он скрыл его от моих глаз, прежде чем оно успело отделиться от нас. Рев и гогот их слышался еще долго, но по тому, как он постепенно ослабевал и становился глуше, я мог понять, что страшная погоня оставила нас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.